

ДО ТОГО КАК МЕНЯ НЕ СТАНЕТ

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА НА ГРАНИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

Алексей Корнелюк

**До того как меня не станет.
История человека на грани**

«Автор»

2026

Корнелюк А.

До того как меня не станет. История человека на грани /
А. Корнелюк — «Автор», 2026

Когда тебе сообщают, что у тебя опухоль в голове, люди почему-то ждут, что ты начнешь ценить жизнь. Полюбишь закаты. Перестанешь материться. Начнешь есть брокколи. Хрен там. Леша продолжает пить, злиться, убегать от себя и зачем-то едет на Ольхон — остров, где ветер воет как бездомная собака, а старый писатель с деменцией раздает советы, будто ему уже нечего терять. У старика гниет память. У Леша — жизнь. И оба делают вид, что всё под контролем. Между ними — разговоры о книгах, смерти, женщинах, страхе и одиночестве. Только вот никто себя не ищет. Все просто пытаются не сдохнуть раньше времени. Кто от болезни, кто от тоски. Это история о мужчинах, которые не умеют быть счастливыми, о воспоминаниях, въедающихся под кожу, и о попытке найти смысл там, где обычно находят только похмелье. Магический реализм, черный юмор, Байкал, боль и жизнь без глянца. Потому что правда редко пахнет цветами. Чаще — сигаретами, кровью и дешевым алкоголем.

© Корнелюк А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	32
Глава 15	34
Глава 16	35
Глава 17	36
Глава 18	38
Глава 19	40
Глава 20	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Корнелюк

До того как меня не станет.

История человека на грани

Глава 1

Прошёл дождь. Из-за туч выглянуло солнце.

Я смотрю, как влага испаряется на асфальте.

Я дышу запахом влаги. Вкусно. Этим запахом можно наестся.

А ещё можно наестся запахом цветения яблони, только что смолотого кофе или вытащенного из духовки пирога. Да. Это действительно вкусно.

За это я и держусь, чтобы не сделать два шага на влажный асфальт, прикрыть глаза и стараться не обращать внимания на автомобиль, мчащийся со скоростью от 80 до 100 километров в час. Стараться. Не обращать. Внимания. Я бы сделал это, но трус во мне сильнее великомученика.

Пронёсся автомобиль. Два шага я так и не сделал.

Из-под передних колёс брызнула лужа.

Я взглянул на мокрые колени. На то, как ткань обрастает пятнами.

Прижав к груди, я держу рукопись 20-й книги. Чёрт. 20-й книги. Мне 34, и я написал 20 никому не нужных книг.

Несётся фура. Если приглядеться, можно увидеть, как колёса облепило облако капель.

Если приглядеться, можно увидеть болтающуюся на резинке пахучую ёлочку.

Если приглядеться, можно увидеть напряжение на лице водителя. Ведь я сделал 1 шаг.

Если приглядеться... Я не успеваю додумать до конца эту мысль, потому что водитель жмёт свою бибикалку. Мне страшно. Но второго шага я не делаю.

Фура проносится мимо, шибанув потоком тёплого воздуха. Точно зашёл в парилку, и кто-то поддал жару, плеснув воды на камни.

Пшшшш.

Возвращаюсь на металлическое ограждение. Неудобно.

Я проторчал тут 30 минут, и всё, что я сделал, — это долбаный шажочек. Трус.

В 33 ушёл Христос. Точнее, его ушли. Поэтому 33 года называют возрастом Христа. А я не ушёл. Так как боюсь. Боюсь, что там, за чертой, ничего нет.

Я агностик. Мой крестик сорвали во время драки за гаражами в девятом классе. Я верующий, когда самолёт попадает в воздушную яму. И я писатель, потому что ничего другого не умею. И, честно говоря, не особо хочется уметь что-то другое.

Вот ещё одна машина пронеслась, а асфальт всё испаряет влагу. Всё ещё вкусно. Всё ещё не покидает желание сделать два шага. И я их делаю... Только назад, как любой нормальный человек, привыкший прислушиваться к внутреннему голосу. А голосок этот внутренний уже 30... нет, извините, 31 минуту кричит: «ЧЁРТОВ ПСИХ, ВЕРНИСЬ ОБРАТНО!» А я спрашиваю его: «Куда обратно? В квартирку, где всё напоминает о моих проблемах?

Где, оставшись наедине с собой, хочется лезть на стену?» И внутренний голос затихает... на время. Пока я не подумаю сделать шажок.

Хочется пить. Хочется есть.

Я написал один детектив и знаю, что мертвец с полным желудком — это мертвец с прицепом из дерьма. Неприятно.

Я бы рад закончить это шекспировское препирательство. Жить или не жить.

Поставить точку. Но вместо этого приходится ставить точку с запятой, потому что в моём кармане вибрирует телефон. Это звонок, который изменил всё.

Глава 2

Мой палец борется с желанием вжать красную кнопку. Мазнуть по экрану и отключиться... вернуться в свою раковину отчаяния. Но так умеет только Жека — одновременно звонить и слать сообщения в Телеграм:

«Алё, ты тут?»

Чёртов Гудини. Ставит на громкую связь и строчит сообщения.

«Срочняк ответь. Есть разговор.»

Палец нехотя переползает на зелёную кнопку.

Вздыхаю...

— Да?

— Не давай, я решил твою проблему.

Ёрзаю на отбойнике. Гайки неприятно впиваются в задницу... да и ноги соскальзывают.

— Ты меня слушаешь?... И... что это за шум? Ты где?

Я провожаю взглядом тонированную посаженную тачку, а точнее владельца колымаги, который решил, что мощный глушак — показатель крутости. Вероятно.

— Да так, проветриваюсь.

— А-а... ну тогда закрой форточку и влезь обратно в квартиру.

Мне на плечо садится слепень. Я наблюдаю, как он потирает бархатистые лапки. Готовится к трапезе. Дёргаю плечом. Улетает.

— Вчера наш разговор заставил меня прикинуть кое-что.

— Ты о чём? — Я поднимаю голову и вижу, как слепень выделяет восьмёрки вокруг головы.

— Ну ты мне тряндел про то, что твои книги не читают. Проливал пивас и хныкал.

— И? — Делаю вялый апперкот по слепню. Промазал.

— А то, что есть решение.

Слепень отстал. Временно.

— Хорош, а. Я сейчас не настроен слушать советы из твоей книги цитат великих людей. — Приходится заткнуть мизинцем ухо, когда проносится фура.

— Да ты послушай сначала, я внатуре дело говорю. Вот есть же эти, как его... симпозиумы, точно. Когда, скажем, стоматологи собираются в одном месте и трещат на тему пломб, кариеса и прочего.

Перешагиваю отбойник. Подсолнухи живой изгородью тянутся цветочным желтком к солнцу. Расталкиваю стебли.

— Причём тут симпозиум?

— Тебе нужен наставник. Старый писака, который вот-вот станет мёртвым.

— Так не говорят. «Станет мёртвым». Умрёт. Так правильно. — Уклоняюсь от корзинки подсолнечника, которую я оттолкнул сильнее, чем нужно.

— Ой да заткнись ты... я же помочь хочу. Ты понял, куда я клоню? Сядь на хвост классика! Пусть он тебя уму-разуму научит. Посвятит тебя в секреты писательского мастерства.

Смотрю на телефон, дышу... дышу... как объяснить Жеке, что я нахрен не сдался ни одному великому писателю. И вообще, кто этот великий писатель? Ремарка — живой великий писатель. Это я и спрашиваю.

— Вот и выясни, придурок. Я тебе дал решение, а ты уж давай сам. — Отключается.

Спасибо. Кладу телефон в карман джинсов и оглядываюсь. Где тут выход? Когда я шёл сюда, не особо думал, как вернуться обратно. Остановка электрички была... поворачиваю голову влево... была... теперь вправо... была... поджимаю губы и иду вперёд.

Расталкивая подсолнухи, смеюсь над предложением Жеки. Вот сдался я этому писателю? Что я ему дам? Денег? Так мне бы кто денег дал... Или прокачусь по спектру голубой радуги. Затем вспоминаю, что голубого спектра нет... В общем, идея может и неплохая, но неосуществимая. Все великие писатели либо спились, либо стали отшельниками, либо... покоятся с миром, украшая кладбище надгробной плитой.

Как у Чарльза Буковски — надпись на граните: «Не пытайся». Чёрт... он отбросил концы в 1994, когда мне было 2. Я продолжаю пытаться.

Или Сергей Довлатов — в 1990, когда мои родители запаздывали с рождением на 2 года. Там надписи нет. Увы. Ушёл без последней фразы.

А Эдуард Лимонов... в 2020. Уф... там не плита, а целый памятник. Стильный памятник.

Так я и вышел на вытопанную тропинку в сторону электрички.

Слепень вернулся. А может, он никуда не уходил... то есть улетал. Парил надо мной и ждал момента, чтобы присесть и впиться своим острым шнобелем. Может, и мне стать как этот слепень? Поучиться у него настойчивости... Или всё это жажда крови?

Ладно, в словах Жеки была здравая мысль... оставалось её перепроверить на практике. А два шага по мокрому асфальту я всегда успею сделать. Но не сегодня.

Глава 3

Коробочка с китайской едой валяется на столе.

Синий квадрат монитора тыкает светом в заляпанную футболку.

Пальцы липкие. Клавиша на клавиатуре западает на букве «И», приходится вжимать сильнее. ИИии.

Рыгнул... Вытер губы. Тыльная сторона руки окрасилась золотом.

Откатываюсь от стола. Китайские палочки откатываются вместе со мной и падают на ламинат. Закинув руки за голову, смотрю в потолок.

В усердии мне не занимать. Я настойчив, когда появляется интерес. А интерес был — найти живого классика. Но увы... что находил, меня не вдохновляло.

Один (не буду называть имени) из писателя превратился в политический рупор. Не речь, а мур-мур. Ластится.

Второй (тоже не буду называть) — любитель метро, попивает из широких бокалов винище в демократических странах Евросоюза. Ругает власть — гав-гав-гав. Огрызается. Не речь, а звериный язык. Я на нём ни бе ни ме ни кукареку.

Третий (снова не буду) вроде как обрёл дзэн, затем поместил своё сознание в банку и выдаёт по роману в год. А может, банка выдаёт... кто его разберёт. Бурчит.

Есть писатели, которые мне не интересны. Точнее, книги их слишком... Тут я задумался и, почесав щетину, остановился на «слишком». Двойное «слишком». Манера письма будто жук в янтаре. Старый добрый XX век с ветвистым, нудным описанием. Как речь старика о давно минувших днях. Скучно. Не ко времени. Живенького текста мало. Смысла — и того меньше.

В общем... я поднял китайские палочки. Капнул жиром на ламинат и побрёл на кухню.

А может, у меня вкусы придиричивы? Может, я не понимаю? Читают же их. Хвалят. Советуют... Эстеты и интеллектуалы в литературных кружках кичатся прочитанным. Поглаживают друг другу ментально-половые органы... если такие существуют... если.

Что ж... вкусы у меня избирательны. Может, поэтому я и ни к столу. Может, в этом проблема.

Выкинув китайские палочки вместе с китайской коробочкой, я не рассчитал, и мой очень даже русский полиэтиленовый пакет не выдержал и изрыгнул через дырку то, что в нём было. А было там всякое, но в основном бутылки. Они и забренчали по кафельному полу. Старина Хемингуэй назвал бы это патронами, а писательский марафон — боем. Сидишь. Пишешь. Бухаешь. Моя бывшая же считала, что это алкоголизм. Сидишь. Бухаешь. Пишешь. Бухаешь. Каждый из них прав по-своему.

Не знаю... Собираю бутылки и ставлю их вокруг мусорного ведра. 1... 2... 3... 4... лучше бы со счёта сбиться. Но я всё продолжаю. 5... 6... 7... Одна бутылка укрыта заветренной вермишелью. Не повезло... так, 8... 9... До круглого числа не хватает ещё одной. Встаю. Открываю дверцу холодильника. Прямоугольник света ложится на грудь. Я беру бутылку пиваса и принимаю на грудь.

Вот теперь счёт будет ровный. Пузырьки ударяют в нос. Пена просачивается сквозь лоснящиеся губы. После китайской лапши газированный пивас ложится отлично. Как аспирин в тёплую воду. Без головной боли. После третьего глотка понимаю, что ничего у меня не выйдет... Я даже не в силах найти писателя. Ролевую модель? Ещё глоток... ролевую... ещё глоток... модель... ещё глоток. Отрыгиваю.

Может, я не там ищу? Кажется, он есть... тот писатель. По крайней мере, должен быть, иначе всё бессмысленно. Эх, Жека... дал надежду... а толку?

Я встаю. Хмель и солод берут меня под руку и возвращают в кабинет. И вместе мы находим кое-что интересное — то, что и поменяло мою жизнь...

Глава 4

Муха отвлекала. Жужжала. Иногда билась в стекло с характерным стуком — тук-тук-тук.

Я смотрел на неё, на муху... и думал, что в целом ничем особо не отличаюсь от неё. На подоконнике её дохлые собратья лежат лапками вверх. Давно лежат. Пыль тоже лежит... Как-то я провёл там пальцем и узрел истинный цвет подоконника. Пластик с оттенком слоновой кости...

Но я отвлёкся. Стандартный поиск писателя привёл в тупик. Привёл разве что на кухню, где я выпил бутылку пиваса. А вот сейчас... всматриваясь в мерцающий монитор, я думаю о том, что искал не там.

Гильдия союза писателей напоминала археологический музей. И тут я подумал...

В Японии были ниндзя. Они вымерли или перешли в фильмы, что крутят по телеку после полуночи. В России были призраки пера. Они ПОЧТИ вымерли или сидят в какой-то тёмной комнате. Чёрт... призраки пера как ниндзя: знают своё дело. Пишут себе, пишут, а славу загребают те, кто подрядил писак. Хитро.

Гострайтер. В Америкаляндии эти кадры живее всех живых. Бряцают по клавишам и за отработанные 1000 знаков получают баксы на счёт. Делают деньги. Авторы богатеют... а призраки остаются в тени, довольствуясь Бенджаминами в меньших размерах.

Только была загвоздка. Такая инфа скрыта. Авторам можно разоблачить... но никто в здравом уме трепаться не станет, что за них пишут. Разве что в момент полнолуния и при изрядном подпитии... Джим Бим может развязать язык. Совесть никто не отменял. Но где Джим? И где Бим? А сейчас луна напоминала след от стакана с кофе.

Я стал искать... штудировать одну интернет-страницу за другой. Делать то, что уже, кажется, вышло из моды — щёлкать на следующую страницу. Да... первые 5 вкладок, кажется (именно кажется), выдают то, что ты искал. Не мой случай. Я не знаю, что искал. Вот и искал. Щёлк-щёлк... щёлк... подпираю подбородок кулаком. Зеваю... щёлк... палец уже побаливает.

Мелькают форумы. Эти сайты напоминают бабушкин половик. Пыльные. Но что-то в них есть... Былой уют? Не знаю... Вот я от нечего делать ковырял старый писательский форум. Читал заметки, топики, зевать не забывал... играл с колёсиком мыши, листая вниз... вниз... вниз... пока случайно не наткнулся на старожилу форума со странной пиксельной фотографией Эдгара Аллана По и с безумным рейтингом. Да, этот Эдгар заслужил на свой счёт много баллов... Кликаю на него.

Недурно. Он зарегистрировался в далёком 1998 году. Когда я в свои 6 лет ещё намазывал козюльки в детском садике. Творчество. Старый сайт показывал и число выполненных работ... а оно зашкаливало. С таким послужным списком можно... а что, собственно, можно? На лоб себе его не наклеишь. Он мог исполнять как мелкие задачки по типу «Придумать лозунг для калужской оконной компании», так и посерьёзнее...

Я потянулся к бутылке, не отрываясь от монитора. Сделал глоток... две капельки упали на язык.

Муха наконец нашла выход и вылетела в форточку. За окном гавкала собака. Пока это всё, на что я отвлёкся, когда ставил бутылку на пол.

Вернувшись к форуму, я заметил, что Эдгар перестал брать заказы после 2005 года. Хотя на форуме регулярно появлялся. Зачем? Почему? Выяснить можно было двумя способами.

Первый — написать Эдгару.

Второй — не писать Эдгару и отправиться в магаз за покупками и начать гадать... Холодильник пуст. Даже банка малинового варенья обросла плесенью.

Я решил скомбинировать два варианта. Написать письмо и отправиться в магаз.

Не сильно заморачиваясь, я накатал письмо. В меру официальное, ни в меру неофициальное... в общем, так, чтобы оно выделялось на фоне общей массы. В конце оставил подпись: «Молодой писатель»... подумал и стёр слово «молодой». Отправил.

Пока одевался и искал мятые сотки по курткам, увидел мигающее уведомление.

Подошёл к монитору. Кликнул на входящие и прочитал всего четыре слова:

«Иди на хер, писатель».

Когда меня спросят, как я познакомился с одним из лучших авторов XX века... я упустил эту унижительную историю. Но этот Эдгар меня подзадорил... ой, подзадорил...

Глава 5

Продуктовая корзинка наполнилась полуфабрикатами. Они обещали без ГМО, я верил обещаниям. Мой глаз брезглив к мелкому шрифту состава на упаковке.

Пельмени, уложенные снизу, пошли испариной. Я тоже... сколько уже шатаюсь тут из одного отдела в другой?

Я стоял в бакалейном отделе... а думал об Эдгаре Аллане По.

Пускал слюну на сладости. Прянички в глазури, вафельки с суфле... а думал об Эдгаре Аллане.

Перекидывал из одной ладони в другую тяжёлую банку консервов, а думал об Эдгаре. Чёрт.

Опустил на кафельный пол тяжеленную корзинку. Плечо сказала мне спасибо. Взлохматил волосы и хмыкнул про себя... Да кем он себя возомнил? Я, вот, написал 20 книг, а он что? Баллы себе на никому не нужном форуме заработал? Придумывал рифмы к корпоративным кричалкам?

Берусь за ручку корзинки... поясница ойкнула... Да, надо было взять тележку...

Кассирша назвала мне сумму с тремя нулями. Никогда не привыкну. Раньше на тысячу я мог жить неделю. Да, макароны с кетчупом, да, яичница... но косарь! А сейчас зелёный Ярославль потерял былой блеск. Обтрепался. И, кажется, все в этом захудалом сетевом супермаркете со мной согласятся. Все всё понимают, но ничего не понимают. Что там... баррель нефти, девальвация, инфляция, спекуляция... Ой, последнее уже не в кассу.

В общем, дали мне два пакета. Взял в левую руку. Взял в правую руку. От чека отказался.

Надо бы ответить этому пижону. Да так, чтобы он интеллектуально захлебнулся. Поставлю его на место. Вот только дверь толкну ногой. Опа...

На выходе попрошайка протягивает руку.

— Подайте...

А я, как мама учила:

— НАЙДИ РАБОТУ, ЛОБ ЗДОРОВЫЙ, А НЕ ПОПРОШАЙНИЧАЙ.

И не поспоришь. Нечем крыть. Мама у меня дело говорит. Вот я и деньгой не поделился. У самого дебет с кредитом не сводится. Моё издательство выплачивает с одной проданной бумажной книги 33 рубля (и сколько-то копеек). На них с нынешними ценами можно купить... примерно ничего. Может, примкнуть к этому попрошайке и протянуть вторую руку? Так сподручней. Команда как-никак. От двух рук увернуться сложнее.

Встаю на светофоре. Пригревает. Солнышко румяным боком торчит из серой многоэтажки.

Мой район. Коробки тут. Коробки там. Вот и зелёный загорелся.

Иду, пакеты туда-сюда качаются. А пока иду... мысленно вывожу будущий ответ Эдгару. Как бы так его интеллектуально заковыристо подъебнуть? Чтоб знал, с кем дело имеет.

Поставил пакеты. Пиликнул ключиком. Подъезд дыхнул ароматом зассанных углов.

Опалённая кнопка вызова лифта. Тыкаю.

В кабине будто вернулся в 90-е... на потолке наклейки с тачками. На стене росписи маркером в стиле «Эдик мудака». Завхоз ЖКХ, конечно, тёр... но не отёр. Осадочек остался. Да и наклейки милы сердцу. Всегда голову запрокидываю и люблюсь.

А вот и мой этаж. Пятый.

Распихав продукты по холодильнику, со дна пакета взял пельмени. Плохо им... размякли совсем.

Опа... вот оно. Зацепился за слово... и, забыв о пельменях, вернулся в свой кабинет.

Открываю письмо. Пишу... текст хорошо идёт, как сгущённое молоко в кофе.

Написал. Отправил. Про пунктуацию забыл. Поздно спохватился... Ладно... жду... Шею поскрёб. Отросла щетина.

...

Пришёл ответ:

«Дебил. Пошёл на хер».

Жарко в комнате стало. Щёки вспыхнули. Он писатель или школьник? Отвечает так, будто на переменке сидит и со смартфона строчит. Где стиль? Где эстетика в тексте? Старикашка вонючий четырьмя словами меня решил на лопатки положить. Меня? ЧЕТЫРЬМЯ?

Ладно... пальцы зависли в сантиметре от клавиатуры. Злоба вот-вот выплеснется в непечатную брань. Где «сука» остаётся литературным словом. Дышу... дышу... на хавчик пробивает.

Встаю со стула и беру мобилу. Звоню Жеке. Отвечает после третьего гудка.

— Слушай, можешь одного типчика пробить?

Через трубку слышен бубнёж:

— Я на летучке.

— Хуючке.

— Перезвоню.

Отправил ему просьбу в мессенджер. Скинул ник Эдгара и ссылку на него.

В общем, Жэка перезвонил, когда я пельмени доедал.

— А ты зря время не терял, — говорит.

Я тыкал разваренный пельмень вилок.

— В каком смысле? — Подцепляю. Тесто проскакивает сквозь зубчики.

— Это тот, кого ты искал.

Вилка брякнулась в тарелку. Мясной шарик покатился по клеёнке.

Глава 6

Я, конечно, поудивлялся как положено... пару раз в кассу и не в кассу проблеял:

— Дааааа лаааааадно?

Получилось ладно. Эдгар этот не лыком шит. Давно в ремесле, знает, как со словом работать. Жека дал понять, что фигура эта заметная в кулуарах, КОЛОСС, атлант — а это не фигура речи. Эдгар, Эдгар... Эдгар... тогда какого лешего он так примитивно шлёт? Я сам так слал в 5-м классе, потом, правда, губу о кулак разбивал. Кровоточила. Дёсенки саднило.

— И какой план?

— М?... — я не вовремя заглотил последний пельмешек.

— Ну когда ты к нему на хвост сядешь?

Дождёвываю...

— Никогда.

— Ты дурак, что ли? Я же сказал — это тот, кого ты искал. — Жека перешёл на пол-октавы выше. Зазвенел в динамиках.

— Он меня на хер послал... — взял паузу, добавил... — два раза. Бесперспективняк.

— Точно, ты же мастер лажать!

— Я?! — Складываю посуду. Раковина этому не рада, и другие ложки, плошки, поварёшки тоже. Всё валится. Бряцает. Звенит.

— А кто? Неужели нельзя поделикатнее было?

Отвечаю сквозь шум от открытого крана:

— Это ты поделикатнее на своих летучках-хуючках давай. А я написал, как видел.

Брызгает всё. Ложку перевернул.

— Значит, езжай к нему.

Мочалкой работаю. Мыло лью. Протираю.

— Ты слышишь?

— Как ты себе это представляешь?

— Так ножками. Езжай, а потом пороги оббивай. Сиди, пока не пересидишь.

Откладываю тарелку:

— Не знаю, где он живёт («Да и не хочу знать» — хочется мне добавить, но не добавляю).

— Проблема разве? Как его... тот, кто «Над пропастью во ржи» написал... это... на языке вертится...

— Сэлинджер.

— Точно. Он же вроде затворником стал, и даже его находили.

Вытираю руки о пыльное кухонное полотенце. Вешаю обратно. С гвоздика падает.

— Это ничего не доказывает.

Я слышу в ответ то ли «бля», то ли «пля»... то ли «тля». Не уверен. У Жеки на произношение «б» губы как-то странно причмокивают.

— Езжай, говорю, чё ты теряешь? Сидишь сутками дома и ноешь.

— Я пишу вообще-то...

— Да? И что ты пишешь? Не ты ли мне сказал, что уже полгода не можешь заставить себя сесть за рукопись?

Молчу. Молчу...

— Я кое-что пишу.

— Скинь тогда.

Тля. Подловил.

— Сухой материал.

— Ты гонишь, я же тебя знаю. Ты врёшь всегда через паузу. Не умеешь ты экспромтом. Наливаю в стакан воды. Водичка плещется, на солнце блестит. Блики ловит.

Отпиваю.

— Допустим, я его найду. Мне что, его измором взять?

— Я его уже нашёл.

— Как?

— Ты забыл, где я работаю?

Это стыдное место мы предпочитаем не называть. Как в «Гарри Поттере» никто не называет Волан-де-Морта по имени. Так и место Жеки с госщупальцами в айти-секторе мы так же не называем. АвадакедабРАША... бля.

Ополовинив стакан, спрашиваю:

— Так и где наш затворник живёт?

— Тебе это не понравится. Помнишь припевчик из «Мальчик хочет в Тамбов»? — Тут Жека попытался петь, растягивая гласные. — Туда не летают самолёты и не ходят поездаааа.

— В степях, что ли?

— Почти.

— Не поеду.

— Поедешь.

— Не поеду.

Я борюсь с тем, чтобы не сбросить звонок. А потом вспоминаю фильм с Джимом Керри («Всегда говори да»), задумываюсь на мгновение... смотрю на поросший лопухом двор. На бабу, закутанную в шаль. И говорю:

— Нет.

Сбрасываю трубку. Я же не Джим. Не Джим...

Приканчиваю стакан. Думаю о бутылочке, которую я успел перехватить в продуктовом. С красным ценничком. Креплёную. Вкусную. Смотрю время на телефоне... и думаю, что для портвейна рановато.

Жека не перезванивает, а это означает только одно... чёрт... мне это не нравится.

Глава 7

Хрустальный шар не требуется, я знаю, что будет. А будет следующее: этот гад смотается с работы пораньше под предлогом важной встречи и начнёт осаду моего дверного звонка. «Дзынь. ДЗЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫН, ДЗЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫН» — и так до тех пор, пока я не сдамся. Не выйду в одних трусах на лестничную клетку и не отодвину щеколду. Так всегда и бывает.

И в этот раз вышло так же... Жеке требуется 40 минут, может 42 (я не слежу за временем), чтобы добраться до меня и, заехав одним колесом на поребрик, припарковаться аккуратно возле подъезда.

Бабулька, укутанная в шаль, негодует. Трясёт своим костылём... защищает территорию, клумба рядом. Клумба — это святое. Жека делает вид, что её не замечает, и взбегаёт по крыльцу.

Первым осаду сдала дверь домофона... бабка в шали на наступление не решилась. Так, пару раз наркоманом обозвала.

Второй рубеж — дверной звонок... Я в очередной раз ловлю себя на мысли, что надо схватить кусачки и перекусить долбаный провод.

Уши вянут. «ДЗЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫНЬ» — выбешивает. Даже громко включенный Sum 41 не решает проблемы. Вот гад...

Выхожу на лестничную клетку. Дёргаю щеколду и говорю:

— Палец можешь отпустить.

Жека улыбается, смакует ещё несколько секунд, вдавливая кнопчку.

Скрещиваю на груди руки.

Дзынь смолкает.

— Я взял пиццу. Гавайскую и «Четыре сыра».

Из-за спины выглядывают две коробочки, перехваченные коричневыми нитями.

Скинув обувку, Жека передаёт гостинцы.

Тут в тему будет стоп-кадр организовать.

Пока его второй кроссовок слетает с ноги и ударяется о пуфик, замечу...

Жека длинный, как шпала. Собственно, в школе его так и прозвали — Жека Шпала. После 7 класса, вернувшись с летних каникул, он вымахал по вертикали. Вытянулся и каждый год накручивал не меньше 10 сантиметров ввысь.

Жеку жизнь научила двум вещам.

Первое — пригибаться, когда заходишь, чтобы головой не шибануться о дверной проём.

Второе — тебе никто ничего не должен, и если что-то хочешь — бери. Для него жизнь — шведский стол, вот он и не обламывается. Складывает на тарелочку то, что пожелает, с горочкой, да побольше.

Даже на такого детину портной умудрился скроить идеально сидящий костюмчик. В таком хоть на свадьбу. У Жеки дома этих костюмчиков — места нет на вешалке. Работа обязывает выглядеть как подobaется... Я его моду не разделяю и предпочитаю треники и футболки без надписей и принтов. Минимализм + аскетизм = мой стиль. Дресс-код у нас разный, однако волна общая. Вот мы и на одной волне. С детства скалибровались и пльвём. Дружбу дружим.

Всё остальное, то бишь подробное литературное описание (как глаза посажены, скулы выпирают и прочее), я оставлю за скобками. Девушкам он нравился не за смазливость, а за харизму. По крайней мере, он так говорил. Мне-то что. Положиться на него можно было, и с юмором порядок.

Заходим... Жека сразу на кухню идёт, стакан убирает и по-хозяйски отодвигает отдел со столовыми приборами.

— Жрать хочется...

Ножницы разрезают ниточку. Коробка откидывается... валит пар.

Гавайскую я терпеть ненавижу, а вот «Четыре сыра» — по моей части. Едим прямо из коробок, чтобы посуду туда-сюда не двигать.

— Когда поедешь? — жуёт.

Облокачиваюсь на кухонный гарнитур. Доглаживаю сырны бортики.

— Не могу я так с места сорваться.

— Дела?

Киваю головой.

— М... надо за мухами приглядеть? Так я пригляжу, не сложно. — Мы вместе смотрим на поле брани, где мухи вытянули кверху лапки. Кладбище домашних мух.

Беру второй кусочек, придерживая кончик.

— Тебе надо ехать, понимаешь?

Жую. Что мне ему ответить? Что я ни разу один никуда не выезжал или что не хочу навязываться, или... что просто страшно? Вот я и жую.

— Живёт, точнее доживает, твой Эдгар на острове Ольхон. Это где Байкал.

— ...знаю. — Отвечаю я, и Жека вроде как знает. В четвёртой моей книге герой попадает на Байкал.

— Но есть проблемка. — Отщипывает из теста почерневший край. — Где конкретно, в каком доме живёт старик, я не знаю.

— Значит, я не еду. — Тянусь за третьим куском. Жека захлопывает коробку.

— Едешь. Просто поищешь на месте. Я знаю, в каком отделении банка он пенсию получает.

Чешу щетину.

— Сколько старику?

— 74.

Мне хочется взять кусочек, вот я и мямлю:

— Ладно.

— Что? — Его ладонь баскетболиста на коробке.

— ЛАДНО.

«Четыре сыра» снова в игре. Жую.

— Вылет сегодня ночью.

— Ага... — отвечаю я. Жую. «Четыре сыра» занимают меня полностью и без остатка. ...пауза.

— В 23:10.

— Чо? — «Четыре сыра» комком встали в горле. Кашляю.

— Билеты взял, говорю. — Из внутреннего кармана пиджачка выглядывает билет.

— ГАД! Я НЕ ГОТОВ!

— Тебе две пары трусов взять, щётку, пасту — и готов.

Отхожу к подоконнику. Во дворе, поскрипывая петлями, качели... раскачивается мальчишка. «Вии» — летит вверх. «Ви» — опускается вниз. «Вии... ви...»

Я не хочу лететь. Боюсь лететь... и как только, набрав в лёгкие воздуха, готовлюсь сказать своё решительное «НЕТ», Жека меня опережает, добавляя, точно боксёр, выпустивший точный джеб в голову, болезненную правду...

Глава 8

Я слышал много раз, что в жизни таких диалогов не бывает... длинных, то есть. Когда один говорит... говорит... продолжает говорить, на целые неподъёмные абзацы. А второй, кто слушает... тот слушает. Не перебивает. Не хамит. Руки за спину не заламывает.

Увы, в жизни, если твой кореш тыкает носом тебя в своё собственное дерьмо, хочешь не хочешь, а съязвишь. Перебьёшь и воскликнешь: «ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ!». Закатываются глаза, скрещиваются на груди руки, потом подливают в стакан виски и всё такое прочее.

Но Жека резал по живому.

Готов вставить прямую речь без сокращений и увёрток. Всё как на духу. Итак... вставляю.

— Останешься дома. Сгниёшь. Грош цена твоим словам и поступкам. Ты только по пьяни триндишь о переменах, новой жизни, а когда реально я тебе под нос сую билеты — ты заднюю даёшь... НЕТ, дай я договорю. — Поднимает руку. — Я же тебя с 4 класса знаю, как меня в твою школу перевели. Ты трудностей не выносишь. Шарахаешься от них. Лишь бы всё само утряслось, но хер тебе. Ты 34 года прожил, а оно не утряслось, только взбаламутилось — вот ты и сидишь в этой мути беспросветной. Хочешь, чтобы книги твои читали — так сделай что-то. Я тебе говорил: блог заведи, а ты...

...говорю же, мои реплики проглатываются. Щёки лишь красочкой наливаются.

— А ты, — продолжает Жека, — «НЕТ, я не хочу, твоОрец не может кривляться перед камерой...» — он пытается изобразить мой голос... выходит так себе... — Говорю: вбухай деньги в продвижение, я дам, займу бессрочно, но и тут ты гордо нос воротишь, прикрываясь нераскрытым талантом. Как же тебя раскроют, если таких, как ты, в стране уйма. Все сидят и ждут, когда их ЗАМЕТЯТ! Когда признают! Когда преклонят колено перед их талантом. А хера с два. Хочешь правду? Вот тебе. Ты же регулярно просишь, чтобы я твою очередную книгу прочитал. А МНЕ в свободное время хочется другим заняться: баб тискать, в рестораны новые ходить, на крайняк фильм посмотреть. А ты — книги, книги... людей сейчас заставлять надо. А ты всё надеешься...

Жека махнул на меня рукой... я уже было набрал в грудь воздух, чтобы ответку развернуть, но не успел.

— Жизнь пройдёт, а ты так и останешься в жопе, просиживая свой талант. Оплакивая невезение, и останется у тебя только одно.

Сквозь зубы процеживаю:

— И что же?

— Надеяться, что после смерти тебя начнут читать.

Повисает пауза. Дохлые мухи на подоконнике не оживают, не жужжат, разряжая обстановку. А хотелось бы. Пицца съедена. Ком в горле не сглатывается.

— Вот что. — Застёгивает пуговицы на пиджаке. — Я оставляю билет. А ты, если прорёшь свой шанс, знай, что виноват во всём только ты! Не удача, фортуна или злой рок, а твоя лень. Понял? Везёт тому, кто везёт. Посмотри на меня, ты же сам всё видишь. Помнишь, из какого говна я вылезил...

...а вот эту слезливую часть я пропущу. Ибо слышал её много раз. Она, конечно, мотивирующая, но не настолько.

Да, я всё помнил.

Да, я всё знал.

Да, я всё видел.

Мы вместе росли, вместе откладывали деньги со школьных обедов. Вместе кайфовали от «Сникерса», и слаще него ничего не ели. А первый гамбургер считался самой вкусной булкой с котлетой на свете. Бренчавшая по карманам мелочь. Мятые десятки, склеенные скотчем. ДА, ПОМНЮ!

Помню...

Но он коммерс. Для него деньги — это цифры перед запятой. Для меня — после.

Я живу с оглядкой на цены, а он забыл, что такое скашивать взгляд на правую сторону меню. Что он хочет доказать? Что он может позволить КУПИТЬ мне шанс?

Я не успеваю додумать. Дозлиться. Жека уходит. Я не провожаю. На столе, рядом с раскрытыми коробками, остаётся один билет. Слышу, как он хлопает дверью. Как лифт заводит свой механизм, затягивая кабину на 5 этаж. Слышу своё собственное сердце... которое стучит то ли от предвкушения, то ли от страха.

Глава 9

Вот теперь для портвейна время самое оно.
Фужер до краёв наполняется лекарством. Глык-глык-глык.
Подношу к носу. Вдыхаю... отпиваю. Теплеет.
Поглядываю на билет, а он на меня.

Не то чтобы лететь до Иркутска далеко, нет... просто ключевое тут — лететь! А лететь страшно всегда. Как только шасси отлипает от асфальта аэродрома, а эта махина взмывает ввысь... как желудок обнимает позвоночник... как пальцы с остервенением цепляются за подлокотник. Контроля нет, чувства безопасности и подавно.

Помню, как однажды, летя в Москву, самолёт попал в турбулентность. Воздушные ямы из меня душу выбили. В самолёте вопили... я же, бледный, как выцветшая фотография, смотрел в одну точку и клялся, что никогда больше не полечу.

Да что там... фобия привела меня к пятой книге, в которой я описал авиакатастрофу. Сюжет что-то вроде «Дня сурка» в самолёте.

Этого мало? Чтобы прямо сейчас дотянуться до билета и разорвать? Но что ещё я разорву, кроме этой бумажки? Будущее? И его тоже.

Что поменяется, если я останусь дома? Выберу комфорт вместо приключения? Обыденность вместо неизвестности... да хрен его знает. Может, и ничего не изменится — просто обросту новым слоем пыли... или вдруг одна из моих книг выстрелит? Да, без третьего глотка не обойтись...

Ох уж это слово «выстрелит». Каждый раз, дописывая очередную книгу, я надеялся... верил... что вот сейчас-то звёзды сойдутся в одной точке, и случится слава. Меня заметят. Примут. Поставят на полку. Только вот не замечали. Не принимали и на полку не ставили. Выход книги оставался незамеченным и терялся в океане другой литературы. Оставалось только начинать сначала. Оттачивать мастерство и надеяться на этот долбаный парад звёзд. И всё бы хорошо. Но счета сами себя не оплатят...

Вспоминаются слова родителей: «Найди нормальную работу». Что такое нормальная работа для отца? Бригадир. Прораб. Монтажник. Это да... это норма. Когда руки из того места растут — не пропадёшь. Батя мне это вдалбливал с малых лет. Дружил меня с отвёртками и разводными ключами, собственным примером показывал, что могут творить золотые руки. Мои же руки тянулись к джойстику приставки. Вот батя на меня и забил... «не хочешь? не надо, я тебя заставлять не буду!» — так он мне говорил.

Но мать была обратного мнения и как раз-таки заставляла учиться и вылепляла из меня прилежного мальчика. Мальчика-с-пальчика, который в один прекрасный день займёт место в ячейке общества. Желательно в ячейке с перспективами, карьерным ростом и полным соцпакетом. Но не срослось. Не получилось. 9 класс закончил с натяжкой. Чуть-чуть — и под жопу бы дали... и тогда путь мне в выдуманный мир матери, где, если не учишься, становишься дворником. Ох уж эти дворники... наравне с дядей Током и Бабайкой вселяют в детский ум ужас.

Дворником я так и не стал, зато сменил с десятков халтурок, откуда меня взашей выгнали. Плохой из меня работник. Про таких раньше говорили — лентяй и тунеядец. Я и не спорил...

получал свой скромный двухнедельный оклад на руки и трудовую книжку. Снимался с якоря и шёл устраиваться в другую контору. Один раз даже консультантом в магазине бытовой техники. Носил нарядную форму. С умным видом подходил к клиенту и болтал о технических примочках. Хватило меня на недельку. Затем указали на дверь.

Защитные плёнки на телефон клеил, ризлитором телефонный шнур на палец наматывал, разгружал вагончики, таская зафальцованный в картон санфаянс.

Было дело... было...

Даже как-то целый год проторчал на госслужбе в секторе общественного транспорта. Та ещё работёнка: сутки через трое... сидишь за компом, уставившись в монитор, и звонишь водителям, если они, не дай бог, дольше обычного беляши с чаем мнут на остановке. Спал там же... на надувном матрасе в прокуренном подвале. Смотрел на изъеденный трещинами потолок и мечтал о лучшей жизни. А лучшая жизнь приходит не торопилась. Задерживалась где-то... выжидала. Сука.

В общем, по всем параметрам в «нормальный» строй я не входил. Как ни крути кубик, в отверстие для кружочка он не встанет. Вот я и не вставал. Подсел на онлайн-игру и просиживал за ней ежедневно не меньше часов 5... А что? В ней я уже стал кем-то, а в реале кем-то не стал... оставаясь незаметным пятном на простыне жизни. Серо, тускло. Яркость ушла куда-то, дни сменяли один за другим, а счётчик наматывал и наматывал свой круг. Взрослел... только умнее не становился. Разве что жопа задубела и живот лишней складкой оброс. Курить стал... кожа на кончиках пальцев пожелтела. Кариес зубы подточил. Грустно...

Вспоминаю тот период жизни — и тошно. Сейчас, конечно, лучше. Вроде себя нашёл, на свой путь встал. Делаю своё дело — пишу... а читателя всё нет и нет. Заблудились где? Как лучшая жизнь моя... Найти бы их. Подружить... как батя меня учил дружить с отвёртками.

После восьмого глотка билет не казался таким страшным... обычный клочок бумаги. Допуск на борт лучшей жизни. Надеюсь, что лучшей...

На клеёнке от стакана остались красные разводы.

Решился... встал... Сейчас или никогда.

Пошёл в туалет и проблевался.

Глава 10

Полёт для достоверности пропустим. Влив в себя остатки портвейна, я решил перестраховаться и шлифануть армянским коньяком. Шлифанул. Вещи собирал уже в тумане... хихикал. Малосольным огурцом закусывал. Хрустел. Дальше — как в такси сел, как до самолёта добрёл... как перегаром в соседку дыхнул — отключился. Слава богу. В себя пришёл, когда шасси с асфальтом встретились.

Аэропорт в Иркутске маленький. Люди тут другие — бурятов много. Лица серьёзные, округлые, и глазки-щелочки.

Продавец ларька сообщил, что пянсе свежайшее. Поднял крышку кастрюли — та паром пыхнула.

Всухомятку с белым, как снег, пирожком управился. Вышел на улицу — горизонт залился оранжевой дымкой... свежо. Таксист вот прилип. Уломал с ним ехать.

— До центральной гостиницы, — говорю. А сам думаю: может, опохмелиться... а может, не опохмеляться. Пянсе плотно легло, кишочки как надо забило.

В машине стоял запах пахучей ёлочки. Водила завёл мотор, старая «Целика» заурчала, из динамиков полились слова из песни Трофима — «Ветер в голове».

...мудрые книжки брошены в стол, джинсы под мышкой — встал и пошёл...

— Не против, закурю?

Я махнул рукой.

Окошко со скрипом опустилось. Водила высунул локоть и дал ходу.

Разговорчивый попался.

«В Иркутске первый раз? А на Байкале были? Что, и Байкал замёрзший не видели?»... И после каждого моего «нет» он как-то грустно укал. Как мудрый филин.

А Трофим всё пел... на душе так хорошо было, словно не в ушатанной Тойоте еду, а в машине времени, когда мать за рулём сидела и мчала из Новосибирска в Барнаул.

Магнитола, кряхтя, проглатывала кассету. Начинали с Трофима... далее по списку Розенбаум... Да, было дело. И всегда... всегда в Тальменке останавливались перекусить. Орешки с варёной сгущёнкой и трубочки... таких уже не делают... и чай горячий-горячий такой, бурый от заварки, и тонкий лимон плавает, прозрачный совсем.

— Отдохнуть приехали или по работе? — голос водителя вернул в реальность.

— И так и так...

Снова «Ууу».

Город показался. Сначала неприлизанной стороной серых спальных кварталов, затем нарядной, историческими зданиями засверкал.

— Красиво у вас.

— А то. — Вторую сигаретку вытащил. Огонёк с зажигалки на кончик перенёс. Затянулся... — Я тут вырос. Тут и умру. — Зачем-то сказал водитель.

Мне нечего добавить, я в окно смотрел. Правда красиво. Дома разноцветные, прятничные.

— Вот ваша гостиница.

Рассчитался. Сумку на плечо навесил и вышел. Трофим только-только свой шлягер запел — «Снегири». Я подпевать не стал, хлопнул по крыше тачки и зашагал к четырёхзвёздочному «Централю».

Заселился. Комнатка скромная, но всё есть... даже какой-никакой рабочий стол. Сел на кровать, попрыгал... матрас что надо. Пластиковые окна шум города проглатывали. Тихо так... разве что за стенкой телевизор еле слышно бурчал новости.

Подошёл к рабочему столу. Сел... представил, как тут печатать буду. Провёл рукой по столешнице... Давно я не писал. Стол шатается.

Под ножку подсунул свёрнутый листок с правилами проживания в гостинице.

Может, действительно попробовать? Достать ноутбук и дать пальцам сделать своё дело? Пусть по клавишам побегают.

Откинулся на спинку стула. Да, самое страшное — это белый лист. Начинать всегда сложно. Как ни посмотрю на него — внутри всё скукоживается.

Позвонил на стойку... на четвёртом гудке взяли.

— Здравствуйте ещё раз, а вы можете водителя посоветовать, кто на Ольхон доставит?

— Когда нужно?

— Завтра.

— Не получится, сезон же.

Чешу щетину. Надо было лезвие с собой взять...

— Что, ни одного водителя?

Пауза на той стороне провода. — Может, и есть, но проверенных не знаем. Да и сейчас в сезон вы в пробку страшную встанете перед пирсом.

— Тогда?...

— А на маршрутку садитесь, они с вокзала отправляются и без очереди на пирс проскочите.

Я покивал. Маршрутка... Я со студенчества в маршрутках не ездил. Попрощался.

Может, не всем приключениям суждено драйвово начинаться? Вот моё, например, с маршрутки... зато по-честному, жизненно, без прикрас.

С этой мыслью я выключил свет и прилёг на подушку. Гусиное перо впилося в щеку. Перевернулся... Зевнул... Это оказался последний спокойный день, после которого всё полетит кувырком.

Глава 11

Спросонья проклял и портвейн, и армянский коньяк. В голове гудит... пришлось под струями душа оживать. Там же и зубы почистил. Слив, урча, проглатывал пену зубной пасты.

Вышел... зеркало запотело. Решил не протирать, чтобы на себя лишний раз не смотреть.

Гостиница обещала завтрак, вот я и позавтракал. Хлеб маслом обтёр. Омлет вилкой поддел... скорлупку увидел. Не страшно.

И куда меня бог за душу забросил... вот как кому расскажу — не поверят. Что собираюсь на Ольхоне делать? Деда выкрикивать? Я даже имени его не знаю... А выглядит он как?

На вилку дую... жую.

Ладно, пусть будет мой маленький отпуск. Отдохну, развеюсь... воздухом вот подышу. Говорят, Байкал — священное озеро. Может, чему научит.

Доел. Вернулся за вещами. На шею комар сел. Убил.

Спустился к администратору. Заспанная девушка повторила инструкцию, где там маршрутку ловить, и пожелала всего наилучшего.

В ларьке бутылку воды взял и на перекус пачку орешков. На вокзале поспрашивал, где маршрутка. Со второго раза нашёл. Вот она, милая, дожидается. Родная «Газель». Водителя нет... потоптался на месте, с утраца зябко. К маршрутке уже очередь вытянулась, крайним встал.

Пишу Жеке: «Как деда-то зовут?»

Вокзал галдел. Водилы зазывали сесть и отправиться то в одно село, то в другое.

А вот и наш идёт... неторопливо, в одной руке полиэтиленовый пакет держит, в другой бумажный стаканчик. Дует, пар идёт.

Сели в машину. Пересчитал нас. Денег взял.

Странное ощущение: вот вроде на пороге приключения стою, сижу то есть... а под ложечкой сосёт. Нервничаю.

Тронулись. Подвеска «Газели» грубо по ямкам прошлась.

В телефон уткнулся... проверил папку скачанных сериалов. У меня правило есть странное... что когда книгу пишу в одном жанре, стараюсь в этот момент и сериалы на эту же тему смотреть. Девятнадцатая книга была триллером. Вот и сериалы соответствующие. «Настоящий детектив»... «Ганнибал». Остановился на последнем. Погрузился.

Серию проскочил... наушники на колени спустил. Окна запотели. Протёр. Красиво... Лесная кромка вдоль дороги идёт. Пышные кроны к солнцу тянет. Водитель «Радио Дача» слушает. Ведущий привет Юле Пироговой передавал и желал всего... тут я не выдержал и снова в сериал погрузился. Укачало... прикемарил. Проснулся, когда попросили всех выйти из маршрутки. Заезжали на паром.

Дверь открылась. Байкал свежим воздухом дыхнул. Ветрено...

Паром старый оказался... выдавший виды. Бело-голубой, с гордым названием «Витязь». Над паромом чайки кружат. Гавкают, будто друг за дружкой гоняются.

Только сейчас оглянулся... и ведь действительно очередь из машин к парому выстроилась. Нас без очереди пропустили.

Как отплыли — солярой запахло. Мотор гудел так, что уши закладывало. Встал на верхнюю палубу. Не я один, но местечко нашлось. Протиснулся.

Нос парома разрезал спокойные воды Байкала. А чайки всё шумели. Изредка кто смелости наберётся и штопором в воду войдёт.

Красиво тут, ничего не скажешь... а если скажешь, то красоту-то не опишешь... Иногда, наверное, лучше не описывать, чтобы рамки не городить.

Локтями упёрся... вниз посмотрел. Пена под носом парома бурлила.

Впереди земля показалась. Ольхон? Странно так... В четвёртой книге про это место писал, картинки разглядывал, а сейчас вот вживую оказался.

Загрузились в маршрутку и по бездорожью покатали вглубь острова. Затрясло... Соседи развеселились. Двое китайцев впереди переговаривались. Фотографии на цифровых мыльницах разглядывали. Укачало... Женщина с заднего ряда попросила пакет. Я оглянулся — ребёночек у неё цвета скисшего молока. Пакет дали. Ребёночек порычал в него да успокоился. Окна открыли, пустили живительный воздух по салону.

Водила в последний раз скрипнул тормозами, подняв облако пыли.

— Приехали.

Хужир. Столица Ольхона. Вышел. Колени затекли. Копчик болит. Поправив на плече сумку, всмотрелся в деревянные наросты турбаз на священной земле. Куда идти? Ещё раз сумку поправил. Китайцы разбрелись. Ладно, думаю, пойду и я к поселениям.

Избушки скромные, бревенчатые, шифером покрыты. У ворот дети играют, мяч гоняют. Прохожу — пас дали, я не растерялся, в ворота из камней забил. ГОЛ! Пацаны взглянули недовольными чумазыми рожами.

А продувает-то как... Молнию выше застегнул, собачка как ненормальная бьётся о подбородок. Прикусил зубами...

Оглянулся. Дети продолжили мяч гонять, а я вспомнил, как в ножички играли. Чертишь круг, а потом — РАЗ — и вонзаешь его в землю. Дальше линии чертишь. Кружок кромсаешь до тех пор, пока... Оступился, неровно тут. А что «пока»? Правила забыл. Кто выигрывает-то? Ай, ладно...

На лошади старик проехал. Кобыла хвостом махала. Я не растерялся, догоняю:

— Дед, скажи, а где тут пенсию получают?

Дедок почмокал беззубым ртом и гаркнул:

— А не рано тебе за пенсией ходить?

Идём вровень. Лошадка крупом вихляет в полуметре от меня.

— Так где сбербанк?

Дед сплюнул:

— Какой тебе сбербанк? Сбербанк в Иркутске остался. — Ещё раз сплюнул. Да так смачно, что харчок шлепком в землю впечатался.

— Дед?

— Ну?

— Пенсию где получают?

— Так бы и сказал. — Перекинув поводья в правую руку, он поднял костлявый палец свободной руки и показал: — Там по Байкальской улице пойдёшь... Да не на меня смотри, а куда показываю. Улица Рабочая будет — там сворачивай и найдёшь «Почта Банк».

Я поблагодарил, отстал на несколько шагов и зачем-то крикнул вдогонку:

— Дед, а писатели тут живут?

— Может, и живут, а может, и не живут! — и залился смехом таким хихикающе-скрипучим.

Мне оставалось проводить старичка взглядом.

Проверил телефон. От Жеки сообщение: «Кощеем Бессмертным зовут ##. Драга Алексей Петрович». Спрятал трубу в карман. Зарядки мало... Ещё бы жильё найти и на поиски Кощея отправиться. Смотрю на кроссовки — те уже пылью покрылись... Асфальта даже на главной улице нет.

Где бы кости бросить? Отелями здесь и не пахнет... так, только турбазы с вывесками выцветшими.

В одном месте поспрашивал есть ли койко-место. Нет, нету.

В другом поспрашивал. Нет, нету.

В третьем. Нет, нету.

Четвёртый. Нет, нету.

До пятого пока дошёл — пятку натёр и полпачки орешков съел.

Зашёл. Колокольчики на двери дзынькнули. Над стойкой клейкая лента висит с трупами мух. Мило.

— Здравствуй.

— И вам не хворать.

— Местечко найдётся?

— Сейчас посмотрю. — Женщина лет сорока пяти, не в самом соку, но ещё в соусе, поправила на носу очки с перекрученными изолентой дужками и говорит: — Только президентский люкс. Подойдёт? — на стойку шлёпнулись фотографии номера. Сквозь линзы её глаза казались больше обычного. Точно смотришь на два плавающих глаза в аквариуме.

Пока разглядывал скромную комнату с одной кроватью, женщина скороговоркой сообщила:

— У нас не курят. И не пьют. Завтрак не включён, но за отдельную плату будет включён. Уборки нет и не будет. После девяти не шумят. А до девяти шумим, но тихо.

Я отодвинул фотографию, зафальцованную в мультифорку.

— Идёт.

— Сколько дней? Сколько ночей?

— Давайте пока три дня, а там посмотрим... — тянусь за кошельком.

— Куда посмотрим? Сезон же! Отдам китайцу втридорога.

Ладно, думаю... пусть. Отдыхаю же. Рассчитался за пять дней. Женщина сумму два раза пересчитала и выдала ключ с тяжёлым медным брелком.

— Располагайтесь. Прямо по коридору лестница на второй этаж. Там разберётесь.

Я пошёл разбираться. Ступени заскрипели. Дверной замок нехотя принял в замочную скважину ключик.

Комнатка оказалась ещё меньше, чем на фотографии, но уютной. На столе возле окна стоял фикус. Кровать заправлена верблюжьим одеялом — я такие в детстве последний раз видел. Потолок, стены и пол оббиты рейками. Пахло соответствующе — деревом.

Подожёл к столу, отодвинул горшок — под ним остались следы. Фикус... фикус... фикус... куда же тебя поставить... Отдёрнул тюль. В солнечном свете заплясали пылинки. Оставил растение на подоконнике. Руки протёр. В ванной комнате занавески цветастые висят.

Пустил крану течь. Освежился.

Вот я и на месте. А дальше? Что, деда у «Почта Банка» караулить? Если не ошибаюсь, пенсию раз в месяц выдают. Не пройдёт... нужно по уму действовать, раз во времени ограничен. Обход совершу и поспрашиваю. Приступим.

Встал... верблюжье одеяло поправил и пошёл.

Глава 12

Да, с обходом я, конечно, поспешил... ещё бы разведкой назвал. Куда идти, за что хвататься?

Вышел из номера. На крыльце шлёпки разбросаны, точно минное поле. Наступил. С тёткой попрощался. Она линзами сверкнула.

Ветер никуда не делся... всё так же дует и дует. Налево голову повернул... домики... направо... то же самое...

Домой захотелось. Бросить всё нахрен. Не люблю я неопределённость. Вздохнул... перешилил себя, пошёл к продуктовому.

На кассах туристы собрались. Из сеток продукты выкладывают. Кассир пиликает штрих-коды. Охранника заметил — мужику на вид лет сорок пять, лицо оспинами изрыто. Волос на голове не осталось, так, только хилый гребень с сединой торчит. Подхожу.

— Здравствуйте.

Мужик смерил меня взглядом. Носом шмыгнул.

— Вы не знаете, на Ольхоне писатель живёт?

Руки в карманы заложил.

— Не слышал о таком. Что, прям книжки пишет?

Я кивнул.

— Не-а.

Прощались. Из магазина вышел, побрёл в поисках кафешки какой.

Странно... если он тут живёт, наверняка в магазинах отоваривается... Жрать-то что-то надо?

Кафешку не сразу нашёл... поплутал. Вижу растяжку съедобного заведения. У входа дворняжка клубком скрутилась. Спит. На кафе распечатка листа А4 гласит: «КОРМЛЕНИЕ СОБАК — ШТРАФ 5000!» Сурово...

Внутрь зашёл. Клиентов потревожил. Мужик с покрасневшим лицом стоял у края стола и тост задвигал. Все на меня посмотрели. Мужик плечом повёл и закончил:

— ...в общем, здоровья, Лёха, тебе. Это самое главное.

Хлоп — и опрокинул в себя фужерчик, дав команду остальным звякнуть рюмками.

Сел за стол возле окна. В салфетнице ни одной салфетки.

Официантка подошла. Жвачку жуёт, одного переднего зуба нет. Рыжие невымытые волосы укрыли лоб тиной.

— Кушать к нам или пить? — протягивает меню в пластиковом листке.

Заказал блинов со сметаной и грибами.

Следующий тост послушал. Лёху все любят, здоровья желают, счастья там... да денег побольше! Лёха важной птицей сидел во главе стола. Улыбался. Майка, облепив пузо, выщела надпись «ГАГРЫ 2018». Следующий встал. С придыханием, глаза в потолок устремил.

— ДАВАЙ УЖЕ, НЕ ТОМИ! — выкрикнул кто-то из-за стола.

Мужик разродился и, поскрипывая, начал длинный тост... даже я заскучал в ожидании блинов.

Мужики вставали и выходили покурить. А блинов всё нет.

Бокал разбили... Пока официантка выбежала, я уточнил:

— А блины скоро?

— Скоро. — не посмотрев на меня, ответила она.

«Скоро» наступило минут через двадцать. Самые долгие блины в моей жизни.

Пока тарелку ставила, я спросил:

— Слушайте, а вы местная?

— Ну да.

— Может, знаете, на острове писатель живёт?

— Это кто книжки пишет?

Мне хотелось ответить: «Нет, бля, кто плитку кладёт».

Официантка надула пузырь, хлопнула.

— Неа, не знаю таких.

Я принялся за блины, разглядывая скол на тарелке. Приемлемо.

Рассчитался. За столом именинника уже катавасия началась. Спор за политику зашёл. Я вышел. Вытер жирные губы. Вернулся на Байкальскую улицу. Бреду, потупившись. Камешек пинаю.

Может, я не там ищу? Или просто не у тех людей спрашиваю? Если Жека сказал, что он здесь — значит, здесь.

Камешек пинаю. Думаю. Мыском кроссовка пинанул, не рассчитав. Камень в металлическую оградку влетел. Глаза поднял — «Хужирская сельская библиотека».

Точно. Вот где не будут спрашивать, «а что, писатель книжки пишет?»

Ладочки потёр... вот оно. Я у цели.

Глава 13

Дверную ручку дёрнул. Не поддалась. Намертво сидит.
Постучался. Огляделся... проехал «уазик» с местными, облако пыли поднял.
Стучу ещё раз, на этот раз погромче.
Заносу кулак, дверь резко открывается.

— НУ? — седой дед уставился на меня.
— Библиотека?
— НУ!

Я вам скажу: «ну» вопросительное и «ну» восклицательное через усатый рот по-разному звучат...

— Можно?
— ОБЕД! НЕ ПО ГЛАЗАМ?! — дедок в камуфляже вышел на крыльцо, блеснув одним торчащим пальцем из порванного носка, и указал на табличку, где значился обед с 13 до 14.
— Володька, не зверюкай! — за дверью послышался шорох. Прощмыгнув под боком дедка, выглянула миловидная бурятка.
— Обед же? — обиделся Володька и, махнув рукой, вошёл в библиотеку.
— Не обращайтесь внимания, он всегда такой, — женщина, сияя улыбкой, оглядела меня.
— Заходите. В дверях знаний не стоим, а входим.

Я вяло улыбнулся и прошёл следом.

— ДА НОГИ ХОТЬ ВЫТРИ!

— Володька, ЦЫЦ!

Володька насупился, обхватил себя руками и, бухтя что-то себе под нос, вышел на крыльцо.

Я, пока эта сцена происходила, огляделся.

Опрятно. Бежевый линолеум под ламинат. Стены и потолок из светлых пластиковых блоков... точно в школу вернулся. Да, точно — и свет такой, как в классах был. Люминесцентный (до сих пор не пойму, как это сложное слово пишется). Перед читальным залом над проходом слова Пушкина: «Чтение — вот лучшее учение». И не поспоришь.

— ВОЛОДЯ, ДВЕРЬ ЗАКРОЙ, СИГАРЕТКОЙ ТЯНЕТ! — крикнула из читального зала женщина.

Дверь хлопнула.

Я прошёл под словами Пушкина. Перекрестился смеха ради.

Читальный зал оказался небольшим. В одну стену книжные полки. Семь ярусов... всё по буквам расставлено. Справа у окна стоял стол, из которого торчал монитор. Даже кулер с водой был.

— Вы же не местный, да?

Женщина заговорщицки подмигнула, заставив мои глаза остановиться на ней.

Я почесал затылок.

— Да, сразу видно. Дайте угадаю... москвич?.. Что, из Питера?.. Иркутск? — с каждой попыткой библиотекаря грустнела в голосе. — Улан-Удэ?..

— Новосибирск.

— А-а... добро пожаловать! Сибиряков мы любим! — поправила манжет на блузке. — Какую книгу ищете?

— Да, в общем-то, никакую... — я заметил, как библиотекарша изменилась в лице. Включила подозрительность. — Я ищу человека... гхм... писателя.

— На полках все писатели. Графоманов мы не держим.

— Да понимаю, но мне нужен писатель, который живёт здесь.

Дверь в библиотеку открылась, и Володька прокричал:

— Я В ГАРАЖ, ЛЮДКА!

Хлоп. Снова тишина.

— Писатель, который здесь живёт... — библиотекарша зашла за стойку с компьютером, но к клавиатуре не притронулась. — А с чего вы взяли, что у нас есть писатель?

Врать мне не хотелось, и я ответил, не подумав:

— Знаю это... и хочу обучиться у него.

— А-а... ммм...

Когда прошло секунд тридцать, а Люда так и продолжала мягко покачивать головой, я всё же переспросил:

— Так вы знаете, где он живёт?

— Адрес я не могу вам дать.

У меня в желудке хлопнула петарда.

Немного помолчав, она добавила:

— Но передам ему, что вы его ищете. И если он сам захочет — он с вами свяжется.

Почувствовав надежду, я засуетился в поисках ручки:

— Вот, запишите название моего отеля...

— Не стоит. Он сам вас найдёт.

Оу... вот как.

Я поблагодарил Людмилу, откланялся и пошёл на выход. Открыв дверь, я, видимо, косяком зарядил деду по уху. Тот ойкнул и свалился на крыльцо. Володька меня тремя слоями трёхбуквенного слова покрыл.

Помогаю ему встать:

— Я думал, вы в гараж ушли...

— Я И УШЁЛ! Но потом... — было слышно, как хрустнули его колени. — Передумал. — И выпятил вперёд подбородок с седой растительностью.

— Ещё раз извините.

— Замучаешься извиняться, молодёжь... — дед махнул рукой и достал папироску, запрятанную за ухом. Папироска помялась. — А вот это обидно.

Я, чтобы не покрыться четвёртым слоем, свалил быстро-быстро... и отправился туда, куда стекались все туристы. К Тринадцати столбам. Что бы это ни значило.

Глава 14

Почему их было тринадцать — я не знал... узнать не успел. Глазел.

Вид волшебный открывался. Столбы, как воткнутые копыя, громоздились почти у обрыва, а под ним раскинулся папа Байкал. Величественный. Всё понимающий и терпеливый.

Все столбы стояли нарядные, обвязанные пёстрыми верёвками. На ветру верёвочки шелестели узловатыми краями. Вокруг толкотня. Туристы землю вокруг вытаптывают, фотографируются. Кто подальше, с вытянутой ладошкой — «сфоткай, типа держу». Кто ближе, обхватив один из столбов — «сфоткай, типа обнимаю». Я тоже подошёл... чем хуже. Руку в карман сунул, телефон оттопырил, улыбочку на морду натянул и щёлкнул. Фотку Жеке отправил. Чтобы ракурс не портить остальным... отошёл к обрыву.

Что-то в этом месте было... не описать словами. Эзотерики бы нарекли «местом силы». Я не против, хоть и не эзотерик. Сила так сила. Свободным себя чувствуешь, и хорошо так.

Может, Байкал так действует? Или цепь зелёных холмов по ту сторону? Не знаю... говорю же — не эзотерик. Чакра моя замылилась. Я из тех, кто в слово «красиво» уместает все соцветия и полутона. Красиво, правда.

Помню, читал, что Байкал — самое глубокое и чистое озеро в мире. Хотя в него впадает 330 рек... чудо-рачки, обитающие в его водах, работают не покладая рук... или что там у них — шупалец?

Выбрав клочок не вытоптанной земли, сажусь на травку.

Интересно... А может, дело в месте? Писатель этот... как его... Алексей Петрович... не просто так остался тут жить. Понимает, значит, как место на творчество влияет? Я вот пишу с 2021 года, и всё, что наблюдаю из окна — это серые скелеты многоэтажек. Бездушные коммуналки с купленными в кредит плазменными телевизорами.

Сам был таким. Помню, как в 18 лет... после работы заходил в пивнушку, брал тёмного нефильтрованного, пакет чесночных гренок и пачку сигарет. Иногда рыбку брал копчёную, завёрнутую в газетный лист.

И домой, к нелюбимой жене...

И так каждый день.

В 18 лет.

С утра до вечера — смазанные рабочие будни. С вечера до ночи — пиво, гренки и телек. До тумана в голове. До приятного отупения. Пепельница полная окурков. Жёлтые от никотина пальцы. Пролитое пиво на журнальный столик. Шелуха от семечек. Вот и весь я. Как говорится, мой бэкграунд. Скучный... никудышный... И как из этого писатель вылупился — не пойму.

С Байкала ветер подул... заершился... рябь по воде пробежала...

Головой махнул, вытряхивая из темницы воспоминаний те события. И всё же никуда от них не деться... Я — это я. Со всем тем неприглядным дерьмом, с которым жил и мирился. С которым шёл бок о бок. Пока жизнь вылепляла из меня то, кем я стал в 34 года.

Сел по-турецки, спину выпрямил.

А что, если бы я к писательству раньше пришёл? Не в 29 лет, как случилось... а, скажем, в 18? Эх... если бы да кабы...

Солнце выглянуло из-за туч... осторожно лучики пульнуло на макушку. Пригрело... Хорошо-то как...

Может, мне не писатель опытный нужен, а психолог?.. Проблемы же во мне. В уверенности. В самоопределении. Проблемы сорняком поросли... выкорчевать бы их... да не знаю, с какой стороны взяться.

Назад отклонился... на локти опёрся, подставив шею лучам.

Спасибо тебе, Байкал... Ветер мудрый зашуршал в ушах намёками — вот я и понял первопричину своих невзгод.

Чёрт с тобой, дед! Даже если ты на меня выйдешь, я сам поучусь уму-разуму. У ветра, у озера... И, глядишь, сам до истины окольными путями дойду. Может быть...

Глава 15

Время сжалось и разжалось. Солнце за горизонт завалилось.
Холодно так стало, зябко. Ольхон укрылся вечерним одеялом.
Я стучал зубами и шёл по посёлку. Из труб домиков струился дым.
Где-то лаяли собаки. То одна заговорит, то другая на своём собачьем.
В окнах горел жёлтый свет, очерчивая силуэты жильцов.

Обхватив себя руками, я брёл к своей гостинице.

В одном из домиков топили баню — даже отсюда пахло берёзовым веником и вылитым на камни пивом. Вкусно-то как... прикрыл глаза, затянулся воздухом, как сигареткой.

А я когда в бане последний раз был? Не в сауне с пивом и бухими приятелями, да завёрнутыми в простыни блядьми, а именно в бане? Чтобы так по-доброму попариться? Да чай с малиновым листом попить...

В детстве, у бабушки на даче...

Помню, предбанник крохотный... места ровно столько, чтобы калоши сбросить и на гвоздик верхнюю одежду повесить. А внутри печь... пытит, трещит... рейка деревянная смолой кровоточит. В тазике в горячей воде венички отмокают. И дед проскочит быстро-быстро, дверь за собой закроет, чтобы тепло не выпускать в шляпе своей с подвёрнутыми краями... как всегда, жара ему мало, вот он и на камни водички плеснёт. Пар поднимется густой... так, что кожа мурашками пойдёт.

Я внизу всегда сидел... а дед наверх. Сядет — и хорошо молчит с ним. Он умел так тишину поймать и держаться за неё. И меня учил: «Это чтоб дух бани не вспугнуть. Когда паришься — мы не разговариваем. Сиди и наблюдай за собой». Вот я и сидел, наблюдая, как по коже бусинки пота катятся. А когда неумоготу было — соскакивал зайцем и на улицу. А потом щи с щавелем ели и картошку на сале, приготовленную, свежим лучком закусывая.

У деда такая чугунная сковородка была, тяжеленная... снимешь её с печки — а картошка ещё долго шкворчит, доготавливается. И помидоры были такие... как сейчас помню... «бычьим сердцем» назывались. Здоровенные.

...Да что за остров такой? На воспоминания пробивает...

Так я до отеля и добрёл, копошась в прошлом. Приятно было на аттракционе ностальгии прокатиться... Тогда, в юности, из плохого — только заданная на лето литература. Чехова, вот, с пятого класса заставляли читать... Смешно, что я только в прошлом году отважился к нему подступить. Достоевского — с десятого. Фёдора Михайловича я до сих пор откладываю. А что там в голове у пятиклассника? Ветер... и ощущение, что ты никогда взрослым не станешь. Но в итоге становишься, одно лето сменяется другим. В школе тебе вручают аттестат — и вот она, развилка... куда дальше тебя заведёт судьба, зависит от случайности и настояния родителей. Им же виднее, в какой институт тебе документы подавать.

— Ну... — женщина на стойке регистрации встала, поправив очки на переносице. — Как вам первый день на Байкале?

— Замечательно, — искренне ответил я.

Я уже было прошёл в коридор, как администратор меня окликнула:

— Кстати, мне тут письмо на ваше имя передали.

Я замер...

Глава 16

Зайдя в свой номер, я с размаху плюхнулся на кровать. Шурша, развернул письмо... подцепил ногтями свёрнутый лист. Ладонки вспотели... развернул, под свет лампы подставил...

«Возвращайся домой, писатель».

Выпустил послание из рук. На колени упало.

Голова закружилась... свет в комнате замерцал. Что-то капнуло на листок. Опускаю взгляд... кап... кап... ещё две капли алым цветком припечатались. Подношу пальцы к носу. Чувствую тёплую кровь. Запрокинул голову. На ощупь нашарил салфетки. Скрутил трубочки... утрамбовал как следует. По горлу кровь проскользила. Кадыком дёрнул, сглатывая... Дышу... дышу... о стену опёрся.

Это уже четвёртый раз в этом месяце, когда кровотечение открывается. Раньше реже было... покапает да перестанет. Сейчас обострилось. На МРТ полгода назад ходил. Ничего не нашли. Списали всё на чувствительность к магнитному полю Земли. Ага, как же.

Таблетки пил, от которых полночи ворочался и кожа шелушилась. Кровь носом шла только когда нервничал, вот я и оградил себя от внешнего мира. Перестал за новостями следить, отрезав себя от повестки. Сначала ломало, мол, как же так — не в курсе быть? А потом свыкся. Продышался. Оказалось, мир живёт себе и живёт — и не важно, поспеваю ли я читать посты в Телеграм или нет.

Вытащил затычку из носа. Бордовая вся. Разбухла. Пропиталась.
Воды отхлебнул.

Какого чёрта... Я же сам навстречу своей судьбе пошёл, так почему же двери не открываются? Лбом прошибать или сдать? Ничего не стоит вернуться обратно и зажечь так, как жил. Да, попробовал. Не получилось, не срослось.

Сходил умыться. Кожа бледная, капилляр на правом глазу лопнул. Заплыл.

Да, писатель, может, правда тебе домой отправиться? Геройствовать — не для всех. Это только в сказках и в фильмах всё легко и просто случается. Сюжетная линия стрелой проскакивает от неудачника к победителю. У меня не так... увы...

Лёг на кровать. Крест-накрест ноги сложил и крепко задумался. Буду ли я себя уважать, если с пути сверну? Да, уважительная причина у меня есть, попытка засчитана... но свыкну ли я с проигрышем, так и не выложившись по полной?

Щёлкнул выключателем. Комнату в мрак передел.

Перед тем как заснуть, решил, что завтра вернусь в читальню и дам просраться и библиотекарше, и деду этому строптивому.

Глава 17

Луч солнца пробрался сквозь неплотно зашторенные окна. Протиснулся в щёлку и лёг точно на глаз. Разбудил. Зеваю, вытащив руки из верблюжьего одеяла, поднял пыль. Пылинки заметались в полоске света.

Ещё раз зевнул до хруста в челюсти. Вспомнил, как план перед сном наметил: наутро соскочить с кровати и пойти скандалить. Только вот так хорошо под одеяльцем... на бок перевернулся, веки сами прикрылись...

Разбудило меня чириканье за окном. Голова болит — так всегда, когда пересплю лишнего. Опускаю ноги на дощатый пол. Пить хочу — вот и пью: минералка выдохлась, пузырями нос защекотала.

Себя в порядок привёл и спустился на запах. Пахло сбежавшим молоком.

— О! — поприветствовала тётка. — Так всю жизнь проспять можно.

— Мне так же мама говорила.

— Мудрая женщина, значит.

Зеваю в кулак:

— Что на завтрак?

Администратор снимает очки и, покусывая дужку, перечисляет, что в меню. Остановился на рисовой каше. Рассчитался.

Кухня отеля находилась в пристройке. Нужно было выйти во двор, пройти по выложенным на земле камням и зайти в другое помещение. Окна кафе были раскрыты, занавески гонял сквозняк. За дальним столом сидел старик в пиджачке, чаёвничал.

Выбрал стол поближе к окну, чуть было не сел на кота, клубком лежащего на скамейке. Котяра мякнул и уткнул морду в рыжую шерсть.

— А это наш завсегдатай, — незаметно подошла официантка. — Сидит только здесь.

— Ага, вижу... — я проскользил взглядом по подушке и по тому, сколько на ней кошачьей шерсти. — Рисовую кашу, пожалуйста.

— Сделаем.

Я сел рядом с котом. Он посапывал, поддёргивая усом. За стойкой бара мягко пел Агутин. Вроде он, что-то про «оп-лэй-лалалэй». Эх, вот же разница: текст писать для песен — «оп-лэй-лалалэй», и роман создавать, персонажей продумывать, сюжетную коллизию выстраивать...

Принесли чай.

— Не заказывал, — говорю.

— Это от джентльмена, — сообщила официантка.

Дедок поднял стакан, я повторил за ним. Ладно, скучно старому.

Чай крепкий, ароматный. Попивая малюсенькими глотками, ждал кашу и поглядывал на кота. Ему точно что-то снилось, ус беспрестанно дёргался, обнажая жёлтый клык.

Вот и каша. На полный желудок скандалить проще. А что... приду в библиотеку и истеричку включу — что мне терять? Ну мужик её, в той камуфляжке, оплеуху отвесит максимум, а так, может, адрес получу.

По каше желтком растеклось масло. Дотянулся до сахарницы, посыпал крошкой, размешал, чаем прихлебнул. Краем глаза вижу — дед улыбается, на меня поглядывает. Может, у меня зубная паста на щеке осталась... Протёр на всякий случай.

Доел, ложкой о пустую тарелку звякнул. Чая на доньшке осталось. Встаю, дед тоже поднимается, торопливо подходит и с прищуром спрашивает:

— А вы, молодой человек, с какой планеты? Гагасюн или Прокасюн?

Выжидает, я через плечо поглядываю, моргаю разок, чтобы деда развидеть.

— Ну?

Дедок, заложив руки в карманы широких брюк, раскачивается.

— Гагасюнцы вымерли, а Прокасюнцы никогда не скажут правду, — подыгрываю старику.

Дедок выжидающе смотрит, а потом вдруг, как лопнувшая труба, разливается смехом. Хохочет так, что слюни летят. Я, воспользовавшись заминкой, вышел из кафе, не догадываясь, что это была проверка и прошёл ли я её — совсем скоро узнаю.

Глава 18

Гагасюнцы — надо же придумать такое... Если в его возрасте мой чердак отклеится, течь даст, то не знаю, стоит ли дальше так жить. От пенсии до пенсии, а в перерыве инопланетян искать.

Улица дыхла свежестью, принесся с огородов запах цветущих яблонь.

Помню, помню «Белый налив», яблочки... Как зубами вопьёшься — сок во все стороны летит. Аж слюна выделилась. А ранетки... подрумяненные... ух... главное, чтобы не червивые, не червячком подточенные.

В общем, пока дошёл я до библиотеки, скандалить расхотелось. На языке всё ещё стоял привкус кислых яблок. На крыльцо взобрался. Ручку дёрнул — заперто. На этот раз сверился с графиком работы: воскресенье — выходной. Затылок почесал... совсем в днях недели запутался. Вот и скандалить не пришлось, но делать-то что-то надо. Заглянул в окна — свет не горел, на подоконнике стоял горшок. В горшке цветок. В цветке семя... что-то я увлёкся.

Решил пройтись, пройти улицами нехожеными. Открыл для себя новые ларьки, кафешки, турбазы... А что, тут не пропадёшь. Даже на дом культуры набрёл... что бы это ни значило. Культуры во мне мало, вот я и мимо прошёл. Захотелось на этот раз к воде спуститься.

С картой на телефоне сверился — значит, недалеко была полоска пляжа, но интуиция подсказывала туда не соваться. От курортников продыху не будет.

А что это тут... Потискал экран телефона пальцами и нашёл недалеко мыс Богатырь. Красотища. Туда и направился.

Пока шёл, поймал чувство скуки. Странно всё это... Современный человек, зажатый в бетонной коробке под названием «квартира», лишён скуки. Когда есть интернет, палец то и дело ёрзает по сенсору, добывая дешёвый дофамин. Скучно? Перемахнул. Опять скучно — ещё один взмах... Палец уничтожает скуку. Искореняет саму идею скуки. Нет скуки — нет пространства для саморефлексии... Нет саморефлексии — нет личности. Есть только банка с сознанием, что умеет только булькать на тему кайфа. Быстрый-быстрый кайф, кайф, кайф... На Ольхоне всё не так... интернет мигал одной куцей палочкой сигнала — пальцем не поработаешь. Трафика не хватает.

Мыс Богатырь оказался двумя сросшимися каменистыми глыбами. Спуск показался крутоватым... или я выбрал не ту тропинку?

Огляделся. К глыбам тянулась песчаная кромка. Людей не было. Вдалеке только дрейфующая лодка.

Спустился, по песку пошёл, проваливаясь. Вода солнечные блики ловила, отражала. Сел, ноги к Байкалу развернул. Камешек в песке нашарил, размахнулся... передумал и отбросил рядом валяться.

Хорошо так... спокойно. Скука как-то сама собой в спокойствие перетекла. Кромку берега облизывал Байкал, шурша песком. Тело моё здесь, сознание где-то там... одна мысль сменяла другую.

...что я здесь делаю, лучше бы за письменным столом сидел... или... А на что я рассчитывал, приехав сюда? На чудо? Так чуда нет и не было... или... неужели я поверил, что может всё в моей жизни поменяться...

Краем глаза я увидел силуэт мужчины, направляющегося в мою сторону. Он шёл неторопливо, уверенно, как хозяин здешних мест. И что-то мне подсказывало — он по мою душу...

Глава 19

Дедок был бодр, свеж, светился — или солнце так светило. Или ветер так кинематографично трепал его седые волосы. Или мне просто показалось. Я не знаю, запутался... Мне всегда было сложно определить возраст. Когда я вижу морщины на лице, мой «определитель» хромает. Подытожу: мужик выглядел на крепкие 55+. Стоял уверенно на двух ногах. Рахит, радикулит, простатит и прочие неизвестные мне пенсионерские «обвесы» прошли мимо него. Почему я заикнулся на этом описании? Всё просто: дедок выбил опору из-под меня этой фразой:

— Ты хотел учиться? Так вот тебе первый урок. Не всем дано стать великими писателями.

...развернулся и пошёл. Я бы добавил для красоты «ушёл в закат», но время было обеденное. В общем, дед потопал туда, откуда пришёл.

У меня же челюсть разомкнулась и так и осталась в открытом состоянии.

Чёртов дед. Придя в себя, я соскакиваю — песок летит во все стороны... бегу, точнее, догоняю. Дедок успел пройти не так далеко. Он всё ещё тут, всё ещё в поле моего зрения.

Останавливаюсь. Резкий спринт вызвал лёгкую одышку, а потом отрыжку. В кроссовках море песка. Облизываю губы, спрашиваю:

— Так это вы?

— Смотря кого ты ищешь, — отвечает он, не сбавляя шага.

Я готов выдать сбивчивое «Э-э-э...», но проглатываю слог. Соберись, скажи что-то по делу. Мысли вихрем носятся в сознании, но ничего... ничего... НИЧЕГО ПУТНЕГО! Чёрт, я выпаливаю:

— Прошу вас, постойте.

Старик останавливается.

— Мне очень нужно, чтобы вы мне помогли...

— Ты не по адресу, — и снова идёт.

Мы взбираемся вверх. Кажется, из нас двоих я больше запыхался.

— Но вы же... вы опытный писатель. Неужели вы не можете мне помочь?

— Я уже помог тебе. Ты забыл первый урок?

Мои лицевые мышцы сводит судорогой:

— Да, но...

Он не останавливается. Чёрт, карабкается как кошка, а не старик.

— Это всё?

— Тебе нужно что-то ещё? — он держит руки в карманах, ветер раздувает его олимпийку чёрного спортивного костюма. Если бы не седина и хрипотца в голосе, его вполне можно было бы принять за крепкого студента, приехавшего отдохнуть на Байкал.

— Но что мне делать с этим уроком? — останавливаюсь.

— Принять его и отступить, — бросает старик и удаляется. Теперь уже окончательно.

У меня ощущение, что я только что сыграл в сквош: интенсивно работал ракеткой, но стена оказалась проворнее. Раунд. Я бессильно роняю свою метафорическую ракетку и стою немой рыбой, глотая воздух. Мне хочется закричать, хочется пнуть невидимый пуфик, хочется в туалет — и всё одновременно. Вместо этого я делаю то, что умею лучше всего.

Собрав волю в кучу, я возвращаюсь в номер. На письменный стол приземляется ноутбук, наклейки покрывают всю верхнюю часть. Открываю. Заляпанный экран. Смахиваю пылинки

с клавиатуры. Вордовский документ. Горизонтальная палочка помигивает, просит, чтобы её накормили буквами, а затем словами, а затем предложениями и, если повезёт, мои пальцы нашпигуют документ жирными абзацами.

Я пишу. Остервенело клацаю по клавишам, не останавливаясь и не перечитывая, что получилось. Как говорил Чарльз Буковски, складываю строку. Чёрт... была бы сигарета — я бы затянулся... Строка положена. Пальцы гудят. Вордовский документ начинён гневными, пропитанными страстью словами. Я захлопываю крышку и стараюсь осмыслить, что, чёрт возьми, произошло...

Глава 20

Пытаюсь, пытаюсь... но переосмыслению мешают вопросы.

Как старик отыскал меня так быстро? Да, Ольхон не так велик, а его населённая часть и подавно... и всё же. Слишком быстро... слишком. И кто тогда был тот старикашка, спрашивающий меня про Гомасюнцев или как их там... в общем, зелёных человечков? Ответы остались за скобками. Пока вне моего понимания. Могу только догадываться, строить теории...

Я вновь потянулся к ноуту и на полпути замер. Что он хотел сказать: «Не всем дано стать великим писателем»? Мне это известно. Даже самая красивая бабочка попадает в лапы к коллекционеру в засушенном виде. В мёртвом. В красивой рамочке, но мёртвой...

Великих писателей при жизни маловато, зато потом... Отличный пример — Франц Кафка: был никому не нужным писателем, а потом — БАЦ, то есть ПУФ — его душа отслоилась от брэнного тела, а его друг (ослушался Франца, не сжёг рукописи) поделился с миром его трудами. Читать классиков — одно, читать мёртвых — совсем другое. В этом есть что-то сакральное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.